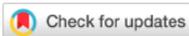

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шастина Е. М. Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца / Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 349—366. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-349-366.

Shastina, E. M. (2025). Narrative Strategy of Provocation in Novels of Clemens Setz. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 349-366. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-349-366. (In Russ.).

Clarivate

Web of Science™

Scopus®

Q1

DOAJ

ERIHPLUS

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU
РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й. Зетца

Шастина Елена Михайловна
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Scopus Author ID: 55934731600
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой филологии
shastina@rambler.ru

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Narrative Strategy of Provocation in Novels of Clemens Setz

Elena M. Shastina
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Scopus Author ID: 55934731600
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology
shastina@rambler.ru

Kazan (Volga region)
Federal University
(Elabuga Institute)
(Elabuga, Russia)

© Шастина Е. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется творчество современного австрийского писателя Клеменса Й. Зетца (род. 1982). Выполнен обзор наиболее значимых романов автора, опубликованных в период с 2007 по 2023 год. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена «австрийская литература» начала XXI века. Выявлено, что, с одной стороны, Зетц продолжает традиции австрийской литературы второй половины XX века, с другой стороны, экспериментирует с повествовательной организацией текста, использует различные нарративные стратегии. К исследованию привлекается понятие нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии. Особое внимание уделяется авторскому стилю Зетца, своеобразию организации нарратива. Доказано, что нарративная провокация определяет авторскую интенцию, «организует» коммуникацию повествователя с читателем, кроме того, позволяет выявить особенности поэтики романного творчества Зетца. Новизна исследования заключена в том, что до сих пор творчество Зетца не являлось объектом изучения в российском литературоведении. Методологической основой работы являются исследования зарубежных и отечественных ученых, касающихся австрийской литературы, а также природы нарративной стратегии, включающей в себя нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу (В. И. Тюпа).

Ключевые слова:

Клеменс Й. Зетц; австрийская литература; нарративная стратегия; провокация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the works of contemporary Austrian author Clemens J. Setz (b. 1982). It provides a comprehensive overview of the most significant novels published by the author from 2007 to 2023. The relevance of this research is underscored by the necessity to conceptualize the phenomenon of “Austrian literature” in the early 21st century. It is revealed that, on one hand, Setz continues the traditions of Austrian literature from the second half of the 20th century, while on the other hand, he experiments with narrative organization, employing various narrative strategies. The concept of narrative provocation is introduced as a facet of narrative strategy. Special attention is given to Setz's distinctive authorial style and the unique organization of his narratives. It is demonstrated that narrative provocation shapes the author's intentions, “organizes” the communication between the narrator and the reader, and reveals the peculiarities of Setz's novelistic poetics. The novelty of this research lies in the fact that Setz's oeuvre has not yet been a subject of study in Russian literary scholarship. The methodological foundation of this work is based on studies by both foreign and domestic scholars concerning Austrian literature, as well as the nature of narrative strategy, which encompasses narrative worldview, narrative modality, and narrative intrigue (V. I. Tyupa).

Key words:

Clemens J. Setz; Austrian literature; narrative strategy; narrative provocation.

Нарративная стратегия провокации в романах Клеменса Й Зетца

© Шастина Е. М., 2025

1. Введение = Introduction

Австрийский писатель, поэт, драматург и переводчик Клеменс Йоганнес Зетц (Clemens Johannes Setz, род. 1982) — заметная фигура в австрийской литературе первой половины XXI века, о чем свидетельствуют его многочисленные награды (2008 — Literaturförderungspreis der Stadt Graz, 2011 — Preis der Leipziger Buchmesse, 2015 — Wilhelm Raabe-Literaturpreis, 2019 — Berliner Literaturpreis, 2020 — Jakob-Wassermann-Literaturpreis, 2020 — Kleist-Preis, 2024 — Poeta Laureatus des Literaricum Lech и др.). В 2021 году молодой автор был удостоен самой престижной литературной премии Германии — премии Георга Бюхнера (Georg-Büchner-Preis). Неоднократно произведения Зетца входили в лонг- и шорт-листы Немецкой и Австрийской книжных премий. В 2023 году роман «Луны перед посадкой» («Monde vor der Landung») вошел в лонг-лист Немецкой книжной премии, в этом же году произведение было отмечено Австрийской книжной премией в качестве лучшего романа года.

Зетц начинал изучать германистику и математику в университете города Граца. Первые публикации — преимущественно стихи и короткие рассказы — появились, когда писателю было чуть больше двадцати лет. В российском литературоведении ранее не предпринималось попыток рассмотрения творчества Зетца с позиций нарратологии, что указывает на новизну настоящего исследования. В настоящий момент лишь один сборник рассказов «Отрада округлых вещей» («Der Trost runder Dinge») [Setz, 2019] переведен на русский язык. Сам факт, что книга на русском языке [Зетц, 2020] вышла в серии «Австрийская библиотека в Санкт-Петербурге» практически синхронно с оригиналом, подчеркивает значимость автора.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия австрийской литературы первой половины XXI века, в которой, с одной стороны, прослеживается преемственность традиций австрийской литературы XX века, с другой стороны, писатели на исходе века экспери-

ментируют как на уровне формы, так и на уровне содержания, о чем отмечалось ранее, в частности, при изучении романного творчества Н. Гштрайна и Р. Эдельбауэр (см.: [Шастина и др., 2022; Шастина и др., 2024]), тем самым не позволяя литературе Австрии «раствориться в “глобалистской” всеядности и безликости художественной моды» [Белобратов, 2010, с. 540].

Произведения Зетца занимают важное место в поэтическом пространстве австрийской словесности, автор в числе «новых рассказывающих» вступает в сложную интертекстуальную игру, провоцирует читателя непредсказуемостью сюжета, многослойностью нарратива. Однако не все критики и рецензенты единодушны в оценке провокационной прозы Зетца, автора критикуют за эпатаж, за тяготение к маргинальным героям, за погружение в неприглядные стороны жизни, за многочисленные эпизоды с насилием и т. д., что, естественно, вызывает у читателя состояние шока и «трепетного» страха (Schock und Awe) [Oberreither, 2020].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, ввести в научный оборот российского литературоведения творчество современного писателя Австрии — Клеменса Й. Зетца — и, с другой стороны, проследить влияние нарративной стратегии провокации на своеобразие организации нарратива и на рецепцию его произведений.

Предметом исследования является специфика нарративной провокации как одного из аспектов нарративной стратегии, реализующейся в жанре романа. Зетц не столько увлекает читателя сюжетом, сколько привлекает внимание к самому повествованию, а именно — способу изображения реальности, создает свои сугубо специфические художественные миры, меняя от романа к роману стиль повествования, реализуя своеобразную «программу литературной инновации» (*ein Programm der literarischen Innovation*) [Kastgerber, 2023], при этом он продолжает традиции литературных предшественников, например, немецких романтиков («Indigo») или Дж. Джойса («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), помещает своих героев в австрийский топос, чаще всего в город Грац. Из австрийского наследия ему ближе всего представители австрийского модерна — от Элиаса Канетти до Томаса Бернхардта [Kämmerlings, 2007]. В его произведениях — романах и рассказах — соседствуют пугающая реальность и фантазмагория, в которой есть место для говорящих животных и фантастических существ, мир обывателя неожиданно причудлив и изменчив, абсурдность происходящего свидетельствует о многослойности нарратива, отсылающего к произведениям Борхеса и Кафки.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили произведения К. Зетца, опубликованные в период с 2007 по 2023 годы, в первую очередь романы

и рассказы. За рамками данного исследования остались пьесы и поэзия автора.

Проза Зетца анализируется с позиций нарратологии, что позволяет выявить ряд специфических нарративных стратегий, используемых автором. Повествование строится на том, что самое невероятное может претендовать на фактографическую достоверность и подлинность событий, что, в свою очередь, провоцирует читателей на самые разные реакции. Очевидно, что автор создает свой рассказ и своего рассказчика, исходя из авторской интенции, то есть представляет созданный им мир и структурно, и на уровне нарративной инстанции. Его нарративная картина мира, запутанная и неоднозначная, определяет природу событийности в смоделированном им повествуемом мире.

Теоретической базой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные теории повествования [Бахтин, 1975; Женетт, 1998; Тюпа, 2011, 2018; Шмид, 2008 и др.], из которых следует, что понятие «нарративная стратегия» продуктивно использовать в качестве отправной категории, учитывающей нарративную картину мира, нарративную модальность и нарративную интригу [Тюпа, 2011, с. 8—9], а «событие рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] рассматривать как реализацию авторского замысла в организации нарративной инстанции. Кроме этого, автор статьи обращался к исследованиям, посвященным австрийской литературе в целом и творчеству Зетца в частности [Барова и др., 2024; Белобратов, 2010; Bombitz, 2017; Kastgerber, 2023; Kämmerlings, 2007; Kupczyńska, 2017; Neuhuber, 2021; Oberreither, 2020; Österreichische Literatur ..., 2018; Pottbeckers, 2017; Reidy, 2013; Trajektorien ..., 2023; Zwischen Einflussangst ..., 2017 и др.].

Культурно-исторический метод в сочетании с нарративным анализом текста выступает методологической основой исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Творчество Зетца активно обсуждается в Германии и Австрии, в последнее десятилетие он стал одним из «любимчиков» литературных критиков, «благодарным объектом для исследования» (*dankbares Untersuchungsobjekt*) [Neuhuber, 2021, S. 179]. Каждое произведение, вышедшее из-под пера писателя, попадает в поле зрения литературоведов. Естественно, что в первую очередь обращает на себя внимание стиль писателя, «играющего» со смыслами и нарративными стратегиями. Нарративная картина мира, «определяющая природу событийности в повествуемом мире» [Тюпа, 2018, с. 20], с трудом поддается у Зетца унификации, роль нарратора меняется от произведения к произведению, автор и рассказчик нередко пере-

секаются, подменяют друг друга, что, естественно, осложняет их идентификацию читателем.

Работая в стиле автофикшен, Зетц объединяет элементы (авто)биографии с художественным вымыслом. Он смело экспериментирует с собственным жизнеописанием: так, в псевдо-интервью — разговоре без автора (*Bot. Gespräch ohne Autor*) [Setz, 2018] — Зетц предлагает свой дневник-бот в качестве «резервуара мыслей», некто «просеивает» информацию, комбинирует и использует ее в ответах интервьюеру, Зетц показывает возможности искусственного интеллекта и одновременно подвергает сомнению авторство как акт творчества.

Можно также сказать, что в прозе Зетца задействован весь инструментарий постмодернистской культурной парадигмы — от интертекстуальности и метафикции, когда в повествование включен сам процесс повествования, и самореферентности, от нелинейности выстраивания сюжета, скепсиса и иронии до элементов магического реализма. Вопрос лишь в том, в какой пропорции перечисленные атрибуты вплетены автором в романное полотно.

Краткий обзор произведений Зетца позволит, на наш взгляд, лучше представить авторскую манеру писателя, в которой провокации как аспекту нарративной стратегии отводится одна из главных ролей.

3.1. Проблема поколений в романе «Сыновья и планеты»

На сегодняшний день Зетц является автором пяти романов, в которых проявилось незаурядное мастерство автора-повествователя.

Роман «Сыновья и планеты» («Söhne und Planeten») [Setz, 2007] позволил заговорить о Зетце как об авторе «пугающе умной книги — одном из лучших дебютных романов года» (*Setz hat mit diesem beinahe beängstigend klugen Buch eines der besten Debüts des Jahres geschrieben*) [Kämmerlings, 2007] (в 2008 году роман был отмечен премией Эрнста Вильнера (*Ernst-Willner-Preis*)).

Уже в этом романе Зетц использует свой излюбленный прием, ставший впоследствии характерной чертой авторского почерка, — обращение к мировой литературе и, как следствие, расширение контекста до экзистенциальных проблем. В данном романе аллюзии на рассказы А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898) и Ф. Кафки «Исследования одной собаки» (1922) очевидны, поскольку в тексте присутствуют прямые отсылки к этим произведениям, кроме того, в романе приводятся достаточно длинные пассажи из книги Д. Дефо «Дневник чумного года» (1722), все это делает текст Зетца полифоническим, при этом обращает на себя внимание характер наррации, при которой реальность и многочисленные фикциональные моменты настолько трудно отделимы друг от друга, что не представляется

возможным придерживаться только одной версии прочтения романа. Как известно, многообразие возможных интерпретаций текста также относится в литературе постмодернизма.

Роман свидетельствует о непростых отношениях между поколениями отцов и сыновей, которые сравниваются с межпланетными процессами, они могут быть объяснены научно, но терпят фиаско в реальной жизни — отцы остаются сыновьями, сыновья «прорастают» в отцах, что нередко приводит к столкновениям и т. д.

У одного из героев книги — писателя Рене Темпла (Rene Templ) — есть свой духовный отец и наставник — философ Карл Сеннегер (Karl Senneger), при этом он сам не способен выполнять роль отца по отношению к собственному сыну. У Карла Сеннегера тоже своя печальная история отцовства: его сын Виктор (Victor) после ссоры с ним покончил жизнь самоубийством. Отец становится редактором литературного наследия сына и обращается за помощью к Темплу, тот, в свою очередь, берется склеить в роман разрозненные повествовательные линии. История странная и запутанная, помимо главных героев в сюжет вплетены истории других персонажей, но при этом «события рассказа» и «события рассказывания», несомненно, увлекают читателя совершенно нетривиальным взглядом на проблему взаимоотношения поколений. Виктор — один из главных персонажей, вокруг которого, подобно планетам, располагаются герои романа — отцы и сыновья, их семейные истории, взаимоотношения мужчин и женщин выступают вторым планом.

В последней части романа Зетц включает в историю, написанную Виктором, Я-нарратора, рассказывающего о своей любви к женщине, чей сын восстает против нового избранника матери. Выясняется, что незадолго до смерти Виктор планирует дописать незаконченный рассказ Ф. Кафки «Нора» («Der Bau», 1931), который Кафка написал за полгода до смерти. Таким образом, история взаимоотношений Кафки с отцом, которая не может в контексте этого романа быть проигнорирована читателем, становится своеобразным палимпсестом, который «покрывается» новыми текстами.

Текст романа характеризуется сменой перспективы повествования, избытием конфликтных ситуаций, не совсем явно, кто в конечном итоге выступает в роли нарратора — Темпл или Виктор, повествование идет от первого лица, однако присутствие автора также неоднозначно. Создается впечатление, что вездесущий автор вступает в некое противоречие с процессом создания текста.

3.2. «Семейный роман» К. Зетца

Роман «Die Frequenzen» [Setz, 2009] (заглавие может быть переведено как «Частоты» или «Повторения») назван одним из критиков *романом по-*

коления (*Generationenroman*) [Reidy, 2013, S. 263]. Нарратив Зетца характеризуется так называемым «повторяющимся повествованием» (*repetitive Erzählung*) [Genette, 2010, S. 73]. Сцена нападения на героиню романа (подобно ряду других эпизодов) показана с различных ракурсов: глазами ее собаки, со слов мужчины и мальчика, заснявшего событие на свой мобильный телефон. Данный прием используется в романе неоднократно, чаще всего повторяются небольшие эпизоды, делается это мимолетно лишь для того, чтобы «проследить пересекающиеся пути персонажей или поместить их в одно и то же повествовательное время» [Kurczyńska, 2017]. В начале романа речь идет о «машине Руба Голдберга» (названа по имени американского изобретателя и карикатуриста) — механизме, который выполняет какое-либо простое действие при помощи очень сложного алгоритма — цепочки последовательных взаимодействий. Один из героев переносит принцип работы этого, по сути, бесполезного механизма на реальные события: «В большинстве случаев все начинается вполне безобидно» (*Meist beginnt es ganz harmlos*) [Setz, 2009, S. 146], а что будет потом — не знает никто, поэтому не удивительно, что в конце романа читатель узнает о «молодом, серьезном человеке в очках» (можно предположить, что это сам автор — Клеменс Зетц), который написал книгу о вечной проблеме отцов и сыновей, имя этого писателя начинается с S (начальной буквы фамилии писателя — Setz), и он «увекочил себя в нескольких местах романа. Что он хотел этим выразить, неизвестно» [Setz, 2009, S. 695]. А что хотел сказать этим австрийский писатель Зетц? Может быть, представить, что некий вымышленный автор при желании может заменить настоящего?

Это история о двух молодых людях: Вальтере (Walter Zmal), сыне знаменитого архитектора, мечтающего об актерской карьере, и Александре (Alexander Kerfuchs) — санитаре в доме престарелых, которые знают друг друга с детства. Встретившись спустя годы, молодые люди рассказывают друг другу о своей жизни. В данном произведении автор продолжает тему отцов и сыновей. В жизни Вальтера отец играет важную роль: настаивает на выборе профессии для своего сына. У Александра нет такой опоры, его отец ушел из семьи. В настоящий момент их объединяет психотерапевт Валери (Valerie). Александр знакомится с ней на работе и планирует выстроить личные отношения. У Вальтера иные задачи: он взял на себя обязанность участвовать в играх, которые она проводит со своими пациентами, тем самым, как ему кажется, он пробует себя в будущей профессии, не заметив, что перешел грань дозволенного. Развязка истории взаимоотношений трагична: Валери жестоко избивают, наступает неразрешимый хаос, который меняет жизненный уклад молодых людей, меняется само повествование.

В поле зрения читателя попадают непростые семейные отношения. Место действия — город Грац — предстает в мрачных тонах как пространство агрессии и уныния. В повествовании нарушена хронология, доминирует нелинейное повествование, многие сюжетные линии обрываются, не получив логического завершения. В целом, кажущееся отсутствие логики провоцирует читателя на активное участие в осмыслении события рассказывания. Зетц мастерски владеет словом, при этом он «лишает» своих персонажей голоса. Например, показательный диалог между Александром и его девушкой повествует о том, что герой что-то сказал неправильно, но возникший конфликт не разрешается, повествователь не раскрывает читателю, что именно было сказано. Недосказанность протагониста и нарратора остается с читателем.

В большей степени, чем в предыдущем романе, автор обращается к автофикциональному нарративу. Александр, как и Клеменс Зетц, обладает «цветным слухом», музыкальные звуки порождают у него цветовые ассоциации. Такая способность дает возможность соединять повседневные наблюдения с сюрреалистическими параллельными мирами, что находит выражение в слове, когда «стратегическое позиционирование нарратора определяется нарративной модальностью его речевого поведения» [Тюпа, 2011, с. 13].

На первый взгляд, проблемы, связанные с осознанием самого себя в контексте современной жизни и памятью поколений, при всей глубине постановки вопроса решаются поверхностно в духе комиксов, однако за внешней незамысловатостью скрыто главное противоречие между внутренним и внешним миром, экзистенциальными проблемами и культурой развлечений современного человека.

3.3. Метафикциональность как провокация

По-настоящему известность пришла к Зетцу с романом «Индиго» («Indigo») [Setz, 2012], в котором описываются события в школе-интернате для детей, страдающих синдромом индиго, которые странным образом влияют на окружающих, вызывая у них физическое недомогание и дискомфорт. Один из действующих лиц романа, чье имя совпадает с именем автора и частично с его характером и биографией (Зетц также, как его однофамилец — герой романа, работал некоторое время учителем математики), преподает в этой школе математику и становится свидетелем непонятных явлений, когда детей, облаченных в странные маски, увозят на машине в неизвестном направлении. Начатое им расследование мало что проясняет в запутанной истории, учителя отстраняют от преподавательской деятельности. Другой персонаж романа по имени Роберт Тэтцель (Robert Tätzell) — один из тех детей, у него своя история, которой он хочет

поделиться. Спустя пятнадцать лет в прессе появляется сообщение о сенсационном уголовном процессе, фигурантом которого является бывший учитель математики, с него снято обвинение в жестоком убийстве человека, издевавшегося над животными. Бывший ученик, у которого по мере взросления исчезли признаки синдрома индиго, пытается найти своего учителя, предложить свое видение происходящих в интернате событий.

Перед читателем метафигуральный роман-коллаж, в котором вымысел и реальность настолько переплетены, что читатель абсолютно дезориентирован. Погруженный в мир мистики и ужаса, он попадает в лабиринт, из которого трудно выбраться. Критики и литературоведы сравнивали автора с Томасом Пинчоном и Стивеном Кингом. Своеобразная игра с популярным жанром фэнтези замешана на детективной истории с элементами научной фантастики.

Провокационным является не только «событие рассказывания», растянутое на годы, в котором доминирует интрига и провокация, но и само «событие рассказа» о детях-индиго, которое подкреплено «документами» — записями и наблюдениями, оказывающими, как ни странно, обратное воздействие на читателя: призванные подчеркнуть подлинность описываемых событий, они, напротив, порождают сомнения. Этот нарратологический прием способствует «размыванию» границ между автором и рассказчиком: «через автобиографического рассказчика от первого лица, через метавымышленные тексты, имитирующие достоверность, или через фиктивную материальность, якобы, существующих документов» [Neuhuber, 2021, S. 183] происходит деконструкция смыслов. Возникает ситуация абсурда: реальный Клеменс Зетц пишет роман, где главным героем является некий Зетц, пишущий историю, в которой фигурирует Зетц: автофикция в автофикции» (*eine Autofiktion in einer Autofiktion*) [Pottbeckers 2017, S. 192]. Пропущенный через двойную призму образ самого себя полон самоиронии, автор и нарратор запутывают читателя, двусмысленность и откровенный вымысел искусно смешаны с фальсифицированными фактами. При этом роман читается достаточно легко, в нем много диалогов, много интертекстуальности (мировая литература, кино, музыка, сериалы и комиксы), и это в очередной раз подчеркивает, что стремление к «доходчивому» повествованию не является самоцелью автора, но и не исключается из арсенала авторских средств воздействия на читателя.

3.4. Сталкинг как норма жизни?

Роман Зетца «Час между женщиной и гитарой» («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre») [Setz, 2015] был отмечен литературной премией имени Вильгельма Раабе. Главный герой романа Александр Дорм (Alexander Dorm) — сталкер, посещающий и исследующий заброшенные места, но

также преследующий других людей, в настоящий момент находится в лечебнице, передвигается в инвалидной коляске, за ним ухаживает женщина по имени Натали (Natalie Reinegger), которая замечает, что Кристофер Хольберг (Christopher Hollberg), навещающий довольно часто Александра, в действительности не испытывает к инвалиду теплых чувств, хотя первое впечатление, как оказалось обманчивое, указывает на вполне приятельские отношения. Зетц подробно описывает жизнь постояльцев этого заведения, акцентирует внимание читателя на вещах, которые тот избегает замечать в реальной жизни.

Автор и здесь интригует читателя, повествуя об истории мести в отсутствие жертвы. Выясняется, что Александр преследовал его, подтолкнул в ходе stalkingа жену Александра к самоубийству. Психологическая драма превращается в философский триллер, побуждает читателя к рассуждениям о вечных темах добра и зла, преступления и наказания, мести. В этом треугольнике, состоящем из двух мужчин и женщины, Натали играет свою роль, которая также провоцирует читателя своей «ненормальностью». Своеобразная охотница за мужчинами, она ведет себя подобно пациентам в клинике, вступая с незнакомцами в интимные отношения, из которых ей не всегда удается выйти безболезненно. Жизнь Натали является следствием замещения реальности виртуальной жизнью. Ей не удастся общение в чате перенести на реальных людей, ей комфортнее «беседовать» с искусственным интеллектом, нежели с живыми людьми, при этом она страдает сексуальной манией, толкающей ее на поиск все новых сексуальных партнеров. Она с удовольствием читает Кинга и раздражается от Апдайка, писатели-антиподы «включаются» в амбивалентность ее бытия, в невозможность преодолеть раздвоенность. Мотив двойничества — излюбленный прием Зетца, его герои балансируют на грани дозволенного и выходящего за рамки обыденности, провоцируя читателя откровенностью сцен насилия, излишним натурализмом.

Натали, окруженная случайными людьми, страдает от одиночества. Ее «ближний круг», который доступен ей лишь благодаря современным масс-медиа, усиливает это чувство. Попытка расширить пространство приводит к внутреннему эксгибиционизму, у Натали нет секретов ни для кого: ни для автора, ни для читателя, ни для самой себя. Все что известно о ней, является частью медийного пространства, в центре которого находится ее жизнь.

Итак, все три героя представляют собой своеобразный паноптикум «неполноценных» людей, страдающих разного рода фобиями и патологиями.

3.5. Художественное своеобразие романа «Луны перед посадкой»

Спустя семь с небольшим лет Зетц вновь заставил о себе заговорить в связи с нашумевшим романом «Луны перед посадкой» («Monde vor der

Landung») [Setz, 2023], удостоенный сразу двух премий. Это единственный роман Зетца, главный герой которого — не вымышленный персонаж, а, напротив, реальная историческая личность по имени — Петер Бендер (Peter Bender, 1893—1944), бывший пилот немецкой армии в годы Первой мировой войны, впоследствии ставший писателем и религиозным лидером, сторонником теории полой Земли, его жизнь закончилась трагично, за критику национал-социализма он был арестован и умер в концентрационном лагере Маутхаузен, его жена — еврейка по национальности — погибла в Освенциме.

Согласно псевдонаучной теории полой Земли, внутри планеты Земля существуют полости, человечество живет не на поверхности, а находится внутри еще большей сферы, то есть Вселенная как бы вывернута наизнанку и окружена Землей как внешней оболочкой, при этом небо, Луна (не одна, а их много) и звезды заполняют полый шар внутри, отводя центральное место в этой системе Солнцу.

Зетц детально описывает жизнь протагониста, включает в книгу доступные источники и многие факты его биографии, пытается понять, как человек может верить в теорию, полностью противоречащую эмпирическим данным. В современном мире, в эпоху всевозможных теорий заговора, когда «желаемое выдается за действительность», «очевидное становится невероятным» и наоборот, эта история становится обостренно актуальной.

Зетц, подобно Петеру Хандке, ищет для каждой новой книги новый литературный метод, новый способ освоения отобранного материала (*eine neue literarische Methode, eine neue Art und Weise auch, mit dem jeweiligen Stoff umzugehen*) [Kastgerber, 2023].

У Зетца практически во всех романах на первый план выходят всевозможные странности, поэтому Питер Бендер, который считает, что живет внутри сферы, хорошо вписывается в художественный мир автора — в его текстовую вселенную.

К. Кастгербер обращает внимание на то, что Зетц jnlftn ghtlgjxntyт любимая геометрической форме круга, округлости. Название, которое Зетц дал одному из последних сборников рассказов — «Отрада округлых вещей», подчеркивает эту закономерность. Округлые вещи символизируют не только завершенность и замкнутость формы, но и почему-то приносят людям утешение [Kastgerber, 2023].

4. Заключение = Conclusions

Предметом исследования выступает провокация как аспект нарративной стратегии, рассмотренная в настоящей статье на примере романов современного австрийского писателя Клеменса Й. Зетца. За рубежом, прежде

всего в Германии и Австрии, его творчеству посвящено большое количество исследований: рецензий, статей и монографий. Отмеченный рядом престижных премий, писатель не избежал резкой критики со стороны литераторов и журналистов.

В отечественном литературоведении данная работа является первой попыткой осмысления творчества Зетца с позиций нарратологии, что позволяет проследить влияние нарративной провокации на рецепцию его прозы. В ходе исследования выявлено, что анализируемые романы логично вписываются в литературу постмодернистской художественной парадигмы, для которой характерны такие признаки, как метафикция, нелинейность повествования, ирония, элементы магического реализма, выход за рамки обыденной реальности. «Фирменным знаком» стиля Зетца является «повторяющееся повествование». Автофикциональность и самореферентность приводят к тому, что соотношение автора и нарратора не всегда поддается логическому объяснению. В то же время тексты Зетца в своей основе реалистичны, язык автора понятен, используемые автором средства образности указывают на безусловную одаренность писателя. Обескураживает сама реальность, которая разрушает представления читателя о «нормальности».

Литературное новаторство Зетца проявляется в том, что он экспериментирует с литературной формой: затевает игру с вопросами и ответами («Bot. Gespräch ohne Autor»), пускается в одиссею подобно Дж. Джойсу с той лишь разницей, что у него события разворачиваются не в Дублине, а в Граце («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), работает с подборкой разнородного материала, объединяя в единое целое («Indigo»), и т. д. Постоянным в романах Зетца остается лишь место действия — любимый Грац, который всякий раз предстает по-новому.

Зетц не просто меняет перспективу повествования, размывая границы между событием рассказа и рассказывания, автором и нарратором, он изменяет саму оптику и характер повествования — от глубокого погружения в описываемые события до подчеркнутой небрежности, когда за кадром остаются важные, необходимые для понимания читателем моменты.

На сюжетно-тематическом уровне «экспериментаторство» Зетца проявляется в изображении психических состояний, находящихся на стыке эстетического и физиологического, например, «автономная сенсорная меридиальная реакция» — неврологическая реакция организма, научный статус которой до конца не определен, но которая присутствует в «истории болезни» одного из персонажей романа («Die Stunde zwischen Frau und Gitarre»), физические и психические патологии, выступающие «отягощающими факторами» восприятия реальности и адекватного отношения к ней:

приступы мигрени («Indigo»), странные акустические шумы и деменция, эпилептические припадки и т. д.

В качестве методологической основы в настоящем исследовании выбрана концепция В. И. Тюпы, согласно которой нарративная картина мира, нарративная модальность и нарративная интрига — элементы, необходимые для осмысления роли нарративной провокации как аспекта нарративной стратегии. Как показало исследование, нарративная провокация является доминирующим признаком поэтики романов Зетца, которая проявляется как на уровне «события рассказа», так и на уровне «события рассказывания».

Клеменс Зетц — современный автор в том смысле, что в его романах активно задействованы современные медиа, герои его романов также «идут в ногу со временем» — новейшие технологии во многом определяют их жизнь, то есть наряду с людьми, выступающими в роли акторов, участвуют в «событиях рассказа». Можно предположить, что они также определяют события повествования, тексты имитируют «организационную» форму медиаресурсов с их пространственной и временной вездесущностью, гипертекстуальной природой, способностью проникать в самые неподконтрольные сферы человеческой жизни, нарушать моральные, этические и эстетические барьеры.

Проза Зетца провокационно обостряет проблемы сегодняшнего дня, заставляет задуматься о происходящем, взять паузу — и продолжать жить. Творчество Клеменса Зетца отражает состояние австрийской словесности в XXI веке. Перспективным представляется исследование с позиций нарратологии малой прозы и поэзии писателя. Анализ использования различных нарративных стратегий с учетом жанровой принадлежности художественного текста представляется продуктивным направлением в современном отечественном и зарубежном литературоведении.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Zetz K.* Отрада округлых вещей. Рассказы / К. Зети ; Пер. с нем. В. Ахтырской. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-89091-545-0.
2. *Setz C. J.* Bot. Gespräch ohne Autor / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2018. — 166 S. — ISBN 978-3-518842786-6.
3. *Setz C. J.* Der Trost runder Dinge. Erzählungen / C. J. Setz. — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2019. — 328 S. — ISBN 978-3-518-42852-8.
4. *Setz C. J.* Die Frequenzen. Roman / C. J. Setz. — Salzburg : Residenz Verlag, 2009. — 714 S. — ISBN 978-3-7017-1515-2.

5. *Setz C. J. Die Stunde zwischen Frau und Gitarre. Roman / C. J. Setz.* — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2015. — 1021 S. — ISBN 978-3-518-42495-7.
6. *Setz C. J. Indigo. Roman / C. J. Setz.* — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2012. — 479 S. — ISBN 978-3-518-42324-0.
7. *Setz C. J. Monde vor der Landung. Roman / C. J. Setz.* — Berlin : Suhrkamp Verlag, 2023. — 528 S. — ISBN 978-3-518-43109-2.
8. *Setz C. J. Söhne und Planeten. Roman / C. J. Setz.* — Salzburg : Residenz Verlag, 2007. — 224 S. — ISBN 978-3-7017-1484-1.

Литература

1. *Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин.* — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. *Барова А. Г. Репрезентация концепта МИФ в австрийской литературе (на примере творчества Элиаса Канетти и Барбары Фришмут) / А. Г. Барова, Л. В. Трофимова // Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 6. — С. 230—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249.
3. *Белобратов А. В. Австрийская литература на исходе XX века. Вместо заключения / А. В. Белобратов // История австрийской литературы XX века.* — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 517—544. — ISBN 978-5-9208-0360-3.
4. *Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах / Ж. Женетт* — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с. — ISBN 5-8242-0064-5, 5-8242-0065-3.
5. *Тюпа В. И. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник.* — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.
6. *Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения : эстетика минимализма / В. И. Тюпа // Филологический класс.* — 2018. — № 2 (52). — С. 19—24.
7. *Шастина Е. М. Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец» / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог.* — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 335—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355.
8. *Шастина Е. М. Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог.* — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 267—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287.
9. *Шмид М. Нарратология / М. Шмид.* — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.
10. *Bombitz A. Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur / A. Bombitz // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur.* — Wien : Praesens Verlag, 2017. — S. 127—140.
11. *Clemens J. Setz [Electronic resource] / J. Clemens // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. Hg. Joanna Drynda, Alicja Krauze-Olejniczak, Sławomir Piontek.* — 2017. — Access mode : https://www.academia.edu/38075188/_Einfluss_und_seine_Frequenzen_in_der_Postmoderne_zur_Prosa_von_Clemens_J_Setz (accessed 30.01.2025).
12. *Genette G. Die Erzählung. 3. durchgesehene und korrigierte Auflage. Aus dem Französischen von Andreas Knop / G. Genette.* — München : Fink, 2010. — 293 S. — ISBN 978-3770529230.

13. *Kämmerlings R.* Nur keine Einflussangst, mein Sohn [Electronic resource] / R. Kämmerlings // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 30.11.2007. — Access mode : <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/nur-keine-einflussangst-mein-sohn-1493153.html> (accessed 30.01.2025).

14. *Kastgerber K.* Kugelförmige Vorstellungswelten : Klaus Kastberger über Clemens J. Setz. Laudatio [Electronic resource] / K. Kastgerber. — vom 22. 06. 2023. — Access mode : <https://www.derstandard.at/story/3000000175760/kugelfoermige-vors> (accessed 30.01.2025).

15. *Neuhuber Ch.* Autorschaft, Auto(r)fiktion und Selbstarchivierung in Clemens J. Setz' Erzählwerk [Electronic resource] / Ch. Neuhuber. — Berlin : De Gruyter, 2021. — Access mode : <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110742503-012/html?lang=de> (accessed 30.01.2025).

16. *Oberreither B.* Irritation — Struktur — Poesie. Zur Poesie erzählter Welten bei Clemens Setz [Electronic resource] / B. Oberreither // Dossier Graz. (Hg. Gerhard Fuchs, Stefan Maurer und Christian Neuhuber. — 2020. — DOI: 10.25364/16-03:2019.1.10. — Access mode : https://www.academia.edu/86694439/Irritation_Struktur_Poesie_Zur_Poesie_erz%C3%A4hlte_Welten_bei_Clemens_Setz (accessed 02.02.2025).

17. *Pottbeckers J.* Der Autor als Held. Autofiktionale Inszenierungsstrategien in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Pottbeckers. — Würzburg : Königshausen & Neumann, 2017. — 284 S. — ISBN 978-3-8260-6246-9.

18. *Reidy J.* Rekonstruktion und Entheroisierung. Paradigmen des ‚Generationenromans‘ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur / J. Reidy. — Bielefeld : Aisthesis, 2013. — 318 S. — ISBN 978-3-89528-968-2.

19. *Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur* (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart) / Beate Sommerfeld (Hrsg.). — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2023. — 290 S. — ISBN 978-3-447-12012-8.

20. *Zwischen Einflussangst und Einflusslust.* Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur / J. Drynda, A. Krauze-Olejniczak, S. Piontek (Hrsg.). — Wien : Praesens Verlag, 2017. — 168 S. — ISBN 978-3-706-90971-6.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025,
одобрена после рецензирования 08.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

Setz, C. J. (2007). *Söhne und Planeten. Roman.* Salzburg: Residenz Verlag. 224 S. ISBN 978-3-7017-1484-1. (In Germ.).

Setz, C. J. (2009). *Die Frequenzen. Roman.* Salzburg: Residenz Verlag. 714 S. ISBN 978-3-7017-1515-2. (In Germ.).

Setz, C. J. (2012). *Indigo. Roman.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 479 S. ISBN 978-3-518-42324-0. (In Germ.).

Setz, C. J. (2015). *Die Stunde zwischen Frau und Gitarre.* Roman. Berlin: Suhrkamp Verlag. 1021 S. ISBN 978-3-518-42495-7. (In Germ.).

Setz, C. J. (2018). *Bot. Gespräch ohne Autor.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 166 S. ISBN 978-3-518842786-6. (In Germ.).

Setz, C. J. (2019). *Der Trost runder Dinge. Erzählungen.* Berlin: Suhrkamp Verlag. 328 S. ISBN 978-3-518-42852-8. (In Germ.).

Zetz, C. (2020). *The joy of rounded things. Short stories*. St. Petersburg: Symposium. 464 p. ISBN 978-5-89091-545-0. (In Russ.).

Setz, C. J. (2023). *Monde vor der Landung. Roman*. Berlin: Suhrkamp Verlag. 528 S. ISBN 978-3-518-43109-2. (In Germ.).

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 504 p. (In Russ.).

Barova, A. G., Trofimova, L. V. (2024). Representation of the concept of MYTH in Austrian literature (on the example of the works of Elias Canetti and Barbara Frishmuth). *Nauchnyy dialog*, 13 (6): 230—249. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-230-249. (In Russ.).

Belobratov, A. V. (2010). Austrian literature at the end of the twentieth century. Instead of a conclusion. In: *The history of Austrian literature of the twentieth century*, 2. Moscow: Gorky Institute of Physics and Technology of The Russian Academy of Sciences. 517—544. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Bombitz, A. (2017). Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur. In: *Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. Wien: Praesens VerlagS. 127—140. (In Germ.).

Clemens, J. (2017). Setz. Zwischen Einflussangst und Einflusslust. *Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. Hg. Joanna Drynda, Alicja Krauze-Olejniczak, Sławomir Piontek. Available at: https://www.academia.edu/38075188/_Einfluss_und_seine_Frequenzen_in_der_Postmoderne_zur_Prosa_von_Clemens_J_Setz (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Genette, G. (2010). *Die Erzählung*. 3. durchgesehene und korrigierte Auflage. Aus dem Französischen von Andreas Knop. München: Fink. 293 S. ISBN 978-3770529230. (In Germ.).

Genette, J. (1998). *Shapes*. In 2 volumes, 1. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 472 p. ISBN 5-8242-0064-5, 5-8242-0065-3. (In Russ.).

Kämmerlings, R. (2007). *Nur keine Einflussangst, mein Sohn*. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 30.11. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/nur-keine-einflussangst-mein-sohn-1493153.html> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Kastgerber, K. (2023). Kugelförmige Vorstellungswelten: Klaus Kastberger über Clemens J. Setz. *Laudatio*. 22.06. Available at: <https://www.derstandard.at/story/3000000175760/kugelfoermige-vors> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Neuhuber, Ch. (2021). *Autorschaft, Auto(r)fiktion und Selbstarchivierung in Clemens J. Setz' Erzählwerk*. Berlin: De Gruyter. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110742503-012/html?lang=de> (accessed 30.01.2025). (In Germ.).

Oberreither, B. (2020). Irritation — Struktur — Poesie. Zur Poesie erzählter Welten bei Clemens Setz. *Dossier Graz*. (Hg. Gerhard Fuchs, Stefan Maurer und Christian Neuhuber. DOI: 10.25364/16-03:2019.1.10. Available at: https://www.academia.edu/86694439/Irritation_Struktur_Poesie_Zur_Poesie_erz%C3%A4hlter_Welten_bei_Clemens_Setz (accessed 02.02.2025). (In Germ.).

Pottbeckers, J. (2017). *Der Autor als Held. Autofiktionale Inszenierungsstrategien in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Würzburg: Königshausen & Neumann. 284 S. ISBN 978-3-8260-6246-9. (In Germ.).

- Reidy, J. (2013). *Rekonstruktion und Entheroisierung. Paradigmen des ‚Generationenromans‘ in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Bielefeld: Aisthesis. 318 S. ISBN 978-3-89528-968-2. (In Germ.).
- Schmid, M. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2022). Narrative strategy of skepticism in N. Gstein's novel "The Briton". *Nauchnyj dialog, 11 (4)*: 335—355. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355. (In Russ.).
- Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2024). Creativity of R. Edelbauer in the context of modern Austrian literature of the early 21st century. *Nauchnyj dialog, 13 (3)*: 267—287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287. (In Russ.).
- Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart)*. (2023). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 290 S. ISBN 978-3-447-12012-8. (In Germ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of The novel. *New Philological Bulletin, 3 (18)*: 8—25. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2018). The genre nature of narrative strategies. Leiderman readings: Aesthetics of Minimalism. *Philological class, 2 (52)*: 19—24. (In Russ.).
- Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur*. (2017). Wien: Praesens Verlag. 168 S. ISBN 978-3-706-90971-6. (In Germ.).

*The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 08.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*